

Я был советским артистом

Кубатура. - 1999. - 11-17 марта. - с. 8

Мамука КИКАЛЕЙШВИЛИ — актер, снявшийся в фильмах “Дон Кихот”, “Паспорт”, “Мерзавец”, “Принцесса на бобах”, “Что сказал покойник” и многих других, причем российских среди них — около тридцати. Работал в Театре им. К. Марджанишвили, Театре киноактера им. М. Туманшвили в Тбилиси. Теперь он еще и старший советник Посольства Грузии в Москве, почетный член Всероссийского общественного фонда им. Н. Озерова.

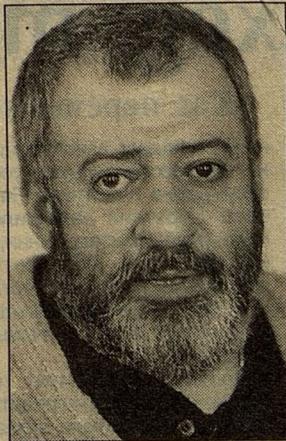


Фото Н. САМОИЛОВА

— Юозас Будрайтис, ваш коллега, в свое время вынужден был уехать из Литвы, так как там не было для него работы, и занял пост атташе по культуре Посольства Литовской Республики в Москве. А вы, Мамука, стали чиновником по той же причине?

— Я понимаю господина Будрайтиса. Да, работы нет. Я бежал от жизни без своего дела. Невостребованный актер — самый несчастный человек на свете, на какую бы должность его ни назначали.

Прежде у нас было одно искусство. Все мы были советскими артистами. Я не имею в виду ту политическую систему, которую возглавляли Ленин, Сталин или Брежнев, но то общее дело, которым мы служили. Артист не имеет национальности. Понимаю, что мои слова кого-то обозлят, но если думать о том, чтобы всем сделать приятное, так лучше вообще молчать.

Говорить о том, что Де Ниро

представляет маленький народ, живущий в Италии, просто невозможно. Я не сравниваю себя с Де Ниро. Это просто неудобно. Но я играл Санчо Пансу и чувствую любовь к себе в Испании, когда приезжаю туда.

Та функция, которую я исполняю, — предмет гордости для меня. Большая честь — представлять культуру своего народа в другой стране.

Были и другие причины, по которым я вынужден был уехать из Грузии. Несмотря на то что занимался там творческими делами, угодил в политические передеряги. Меня объявили врагом народа. Если человек не поддерживал нашего бывшего президента Звиада Гамсахурдиа всем своим телом, всеми фибрами души, считалось, что он настроен против правительства. Гамсахурдиа, говоривший на многих языках — французском, английском, немецком, старогреческом, русском, — построил карьеру на национализме. Интел-

лигенция не примирилась с этим. И началось! Людей сажали. Сажали и меня.

— Вернемся к вашей московской деятельности. Как складывается день советника?

— Это встречи с людьми, главным образом с творческой интеллигенцией, которая делает культурную и политическую погоду в России. Сегодня с утра встречался с Эльдаром Рязановым. Я у него снимаюсь. Считаю, что каждое появление на экране, в прессе — прямая моя обязанность как советника Грузинского посольства. Лучше будет, если я стану почаще появляться там, нежели в дежурной части по криминальному поводу.

Бесконечно повсюду звучат фразы: “лица кавказской национальности”, “грузинская группировка”. Хочу показать, как могут грузины проявить себя в положительном смысле, а не в том, какой часто их сопровождает в России.

— Грузины, живущие в Москве, держатся друг друга или разобщены?

— Они держатся, но не так, как армяне. Армяне делают это лучше всех в мире. Хвала им и честь. Я желал бы, чтобы грузины держались дружнее.

— Появились ли запреты, ограничивающие вашу жизнь в связи с приобретением дипломатического статуса?

— Еду я однажды в новой машине. Останавливает меня работник ГАИ и говорит: “Вот теперь, вы, Мамука, едете по статусу”. Прежде у меня была “Нива”, а теперь — “мерседес”. Сам я далек от того, чтобы считать обладание “мерседесом” или “Запорожцем” показателем чего-либо. Вою свою жизнь я провездил на “Запорожце”, и мне

было очень хорошо. Однако человек, представляющий государство, все-таки должен соответствовать неким общепринятым представлениям.

Мои коллеги-дипломаты и отдыхают иначе, чем артисты. Играют в теннис, футбол. Я же и мой друг художник Борис Краснов собираемся, сидим, разговариваем, пьем вино, потом вдруг вспоминаем, что у кого-то день рождения. Едем к Пугачевой, куда-то еще. Там вспоминаем, что у кого-то из знакомых какое-то торжество или дата... Так проводим свободное время. Я очень прошу нашего посла, который прочтет эти слова, не увольнять меня с работы. Если я скажу, что в свободное время в теннис играю, что подумаю обо мне директора ресторана, в которые я заглядываю едва ли не каждый вечер? Прием пищи для грузина — ритуал. Вчера я посетил “Макдоналдс”, и у меня было странное ощущение, что я что-то неправильно сделал. Вроде бы сытый вышел оттуда, и в то же время ничего не произошло.

— Можете ли вы сказать о себе, что вы — эмигрант? Я имею в виду состояние души.

— Если бы я не работал в посольстве с половины десятого утра до вечера, не разговаривал бы по-грузински, тогда, возможно, у меня и возникла бы ностальгия.

Конечно, плохо, что я живу в другой стране. Я с удовольствием бы приезжал в Москву поработать, на съемки, как делал это двадцать лет назад.

— А что это за проект Рязанова, о котором вы упомянули?

— Называется он “Старая кляча”. Это классическая рязановская комедия с участием Лии Ахе-

джаковой, Людмилы Гурченко, Валентина Гафта, Николая Фоменко, Романа Карцева, Ирины Купченко.

Это не единственная моя работа. Идет озвучивание фильма Александра Муратова “Перемена мест”. Играю там грузина, второго мужа героини Елены Прокловой. Первый ее муж — Николай Караченцов. У Владимира Басова-младшего закончил сниматься в фильме “Вместо меня”.

На ТВ-6 делаю телевизионное шоу “У Мамуки”, которое уже в ближайшее время будет еженедельно появляться в эфире. Идея этой программы родилась еще в то время, когда был жив Влад Листьев. Теперь она трансформировалась. Я какое-то время жил припеваючи, не думал о том, что жизнь когда-нибудь кончится. Считал, что постоянно буду сниматься, что все будет хорошо. Теперь понимаю, что надо успеть что-то сделать. Вот и хочу попробовать стать хозяином своего таланта. Я не буду режиссером программы, но, видимо, буду одним из сценаристов, автором проекта. Не только потому, что я это делать могу и хочу, просто невозможно неудобно: передача называется “У Мамуки”, а автор ее — допустим, Скворцов. По жанру это будет сродни тому, что делает Бенни Хилл и делал Чарли Чаплин. Пусть это будет смешное, музыкальное и непременно красивое шоу с участием не менее красивых девочек. Наличие последних вовсе не означает, что телезритель должен сказать своему восьмилетнему сыну: “Не смотри. Это не для тебя”.

— Мамука, а в общественной кинематографической жизни Москвы вы принимаете участие?

— Мамука, а в общественной кинематографической жизни Москвы вы принимаете участие?

тие? Она у нас, как известно, бурная.

— Может быть, кто-то подумает, что я глупый, но тем не менее я считаю, что артист должен сниматься, а режиссер снимать. А то ведь чем кинематографисты занимаются — выбирают, скидывают друг друга с должностей. Все это такая ерунда. Ты сделай хорошее кино, лучше другого, и жизнь сама снимет твоего противника, а тебя назначит на то место, какое ты хочешь занимать. Как это можно заседать до утра, решая всякого рода организационные вопросы? Не хочу ничего такого. До трех ночи могу с моим другом просидеть за бутылочкой, поговорить, песни попеть...

— А семья ваша живет в Тбилиси?

— Моя мама, народная артистка Грузии Лейла Дзуграшвили, до сих пор работает в Театре им. Шота Руставели. Папа, Андро Кикалейшвили, был его директором. Он рано ушел из жизни. Брат, который был старше меня на семь лет, в том же возрасте, что и наш отец, оставил этот мир. Он занимался проблемами сексологии, читал лекции в разных странах, написал книгу о сексуальном воспитании молодежи. В Тбилиси растет мой сын Андро, которому скоро исполнится пять лет. В Москве живу с женой Татьяной, которая посвятила свою жизнь тому, чем я занимаюсь. Русские женщины бескорыстны, трудолюбивы, жертвенны.

— Может, для женщины-то это и плохо?

— Для женщины, может, и плохо, а для жены хорошо.

Беседу вела
Светлана ИГОРЕВА

17.03.99

Кикалейшвили Мамука